

Концептосфера русского мира С.А. Есенина в немецкоязычной рецепции.

Магистрантка 1 курса СамГУ

Шаповалова Дарья

Настоящее вхождение русской литературы в немецкое культурное пространство началось в XIX веке благодаря непосредственным контактам немецких писателей с русскими авторами. В это время немецкоязычный читатель познакомился с русской классикой: с творчеством *Н.М. Карамзина*, *В.А. Жуковского*, *А.С. Грибоедова*, *А.С. Пушкина*, *М.Ю. Лермонтова*, *Н.В. Гоголя* и других. Как отмечает *Т.В. Кудрявцева*, первым "проводником" русской литературы в немецкоязычное пространство был ***Иоган Кристоф Готшед*** (1700-1766), переводивший произведения *А.Д. Кантемира*, *М.В. Ломоносова*, *В.К. Тредиаковского* и *Д.И. Фонвизина* [2. С. 36].

Эмиграция первой волны (с 1920г.) явилась активизатором русско-немецких контактов в начале XX века, открывшая западному миру творчество русских поэтов серебряного века. Особое внимание немецких литераторов привлекло творчество *С.А. Есенина*, воплотившее в себе мировосприятие русского народа. Тем самым, именно немецкие поэты выступили первооткрывателями поэтики *С.А. Есенина*, опередив в этом французских переводчиков (в XIX-начале XX вв. произведения русской литературы сначала публиковались только на французском языке). Всего же при жизни поэта (т.е. до 1926г.) около *ста* его произведений были переведены на шестнадцать языков: *немецкий, французский, английский, итальянский и другие*.

Есенинское наследие, как отражение подлинной России начала XX века, нашло своё воплощение в *двадцати* одном издании переводов *С.А. Есенина* в Германии с 1958 по 2017 г.

У каждого поэта имеется совокупность устойчивых структурно-семантических образований (*тем, образов, концептов*), или **концептосфере** (*ментальное восприятие мира конкретной нации*). Концептосфера автора представляет собой сложное, многосоставное образование, однако, при инокультурном восприятии оно упрощается, поэтому в немецкоязычной рецепции (*"восприятие и перевоссоздание на основе воспринятого собственных текстов"*[4.С. 180]) находят отражение только две составляющие есенинской поэтики: **тема родины** (*образы отчего дома, малой родины, России*) и **мотив природы** (*образы растений и животных*).

Нами выделены четыре стихотворения, в плане реализации в них образов родины, а также популярностью в немецкой переводческой рецепции: **«Гой ты, Русь, моя родная»** (1914), **«В хате»** (1914), **«Устал я жить в родном краю»** (1916), **«Я покинул родимый дом»** (1918). Самым популярным из них оказалось стихотворение **«Гой ты, Русь, моя родная»**, которое было оценено критикой *«как значительное достижение только начинавшего входить в литературу поэта»* и отразившее *«сочность, красочность и другие, ещё скрытые от широкой публики неисчислимы богатства русского языка»* [1. С. 175].

Объектом нашего исследования является немецкоязычное воплощение стихотворения **«В хате»**, которое является ярким образцом русской ментальности и расценивается в литературных кругах как *«визитная карточка» Есенина* [2. С.36]. Действительно, в этом произведении, на первый взгляд, описана обыденная картина крестьянского быта, однако, то чувство душевности, которое сопровождает это описание, создает неповторимый колорит, красоту сельской жизни. Картину деревенского быта, представленного в пяти небольших строфах, составляют *образы печи, порога, лавки*, а также обыденные крестьянские реалии – *квас, сажка, парное молоко, песни петухов*. Тем самым, стихотворение отражает национальную картину мира, отраженную в обилии аутентичных реалий, сложных для

перевода, которые попытались выполнить *А. Бостроэм, К. Дедечиус и Х. Кэлер*.

Особое внимание привлекает «обрамление» перевода. Так, для заглавия *К. Дедечиус и Х. Кэлер* выбрали вариант «*In der Kate*» ("В хижине"), *А. Бостроэм* ввела уточняющее слово – «крестьянский», получив заглавие «*In der Bauernhütte*» ("В крестьянской хижине"), тем самым делая свой вариант заглавия более удачным: созвучие слов «*Hütte*» и «*хата*», а также факт того, что в немецком языке слово «*Hütte*» (устар. "хижина") является определяемым для слова "*Kate*" (совр. "хижина"). Однако в русской традиции само слово «*хата*» связано с проживанием в сельской местности, т.е. конкретизации «крестьянская» не требует. Уже этот аспект отражает главную сложность, с которой столкнулись переводчики, – передача реалий русского мира, нередко отсутствующих в немецком языковом и культурном пространстве.

Во-первых, отсутствие полных лексических эквивалентов атрибутов русского деревенского быта. Так, например, лепешка, тесто которой замешивается особым способом, – «рыхлые драчены» – в вариантах *К. Дедечиуса и Х. Кэлера* выражает слово «*Plinsen*» ("блин, картофельные оладья"), *А. Бостроэм* использует более универсальное и привычное немецкому читателю слово – «*Kuchen*» ("пирог", "лепешка"). Традиционный русский напиток *квас* *А. Бостроэм и Х. Кэлер* переводят способом транслитерации («*Kwaß*»), а *К. Дедечиус* заменяет солодом («*Malz*»). Слово «сажа» имеется в немецком языке, и оно может быть выражено двумя словами – «*Ruß*» и «*Asche*», *А. Бостроэм и Х. Кэлер* используют первый, созвучный «Руси» вариант, *К. Дедечиус* – второй.

Во-вторых, особую сложность представляет интерпретация реалий русской картины мира. Неправильно понятым всеми переводчиками остался образ *шелухи сырых яиц*, который *Бостроэм, Дедечиус и Хэлер* трактуют просто сырыми яйцами («*Schüsseln voller Eier*»; «*rohe Eier*»; «*die Kumme*

roher Eier» – соответственно каждому переводчику). Образ *парного молока*, хорошо знакомый русскому человеку, переводчики передают с помощью схожего по значению прилагательного – *«frisch»* ("свежий"), однако в немецком языке имеется более адекватный аналог, полный эквивалент – прилагательное *«kuhwarm»*. Образ *сений* также вызвал сложности при его передаче на немецкий язык, так *Бостроэм* совсем не использует этот образ, *Дедечиус* заменяет *прихожей* (*«Flur»*), *Х. Кэлер* использует диалектное слово с пренебрежительной окраской *«Kabuff»* ("чулан", "кладовка", "каморка"), добавляя к нему уменьшительно-ласкательный суффикс.

В-третьих, немецким переводчикам, практически, не удалось передать саму *атмосферу жизни* в русской деревне, выраженной С.А. Есениным, на первый взгляд, простыми художественными приёмами, наполненными диалектными и окказиональными лексемами. Для образа *беспокойных квохчущих кур* переводчики находят разные решения, однако, вариант *К. Дедечиуса* оказался более точным: *«aufgeregte Hühner gackern»* (дословно: «взволнованные курицы кудахчут»), вариант *А. Бостроэм* также близок оригиналу, однако, она добавляет глагол *«scharren»* ("скрести"), отсутствующий у Есенина (*«Hühner scharren, gackern aufgereg»* – «куры скребут, кудахчут взволнованно»), у *Х. Кэлера* домашние деревенские птицы произносят не характерные для них звуки, а *«всхлипывают»* (*«Hühner glucksen ruhelos»* – «курицы всхлипывают беспокойно»), что не является адекватным переводом.

В-четвертых, определенный *ритмический рисунок* и *стилистическая форма* изложения стихотворения вызывают большую сложность. Это произошло в следствии того, что практически каждая есенинская строка содержит два-три слова, за счет чего все стихотворение получает определенный ритмический рисунок, который должен быть полностью отражен в переводах. Размеренный тон оригинала воплощают пять повествовательных предложений, каждое из которых составляет отдельное

четверостишие. *Х. Кэлер* разбивает каждый катрен на два-три предложения, в итоге получая одиннадцать синтаксических конструкций. *А. Бостроэм* также разбивает некоторые строфы и выделяет заключительное предложение восклицательным знаком, который не отражает оригинальной модальности. Лишь *К. Дедедиус* сохраняет синтаксическую структуру русского стихотворения, его же вариант в ритмическом плане и по объему строк является наиболее точным, в отличие от других переводчиков. Для наглядности приведем в качестве примера первый катрен:

С.А. Есенин

Пахнет рыхлыми драченами,

У порога в дежке квас,

Над печурками точеными

Тараканы лезут в паз

К. Дедедиус

Plinsenduft strömt aus der Küche,

*Draußen steht ein Faß mit **Malz**,*

Überm Eisenherd verkriechen

Sich die Schaben in den Falz.

А. Бостроэм

*Es riecht gut nach mürbem **Kuchen**
hier,*

***Kwaß** steht an der Schwelle gleich.*

In den Fugen an der Ofentür

ist der Kakerlaken Reich.

Х. Кэлер

*Nach lockren**Plinsen** duftet es sehr.*

*Neben der Schwelle ist **Kwass** im Krüge.*

Über dem kleinen Eisenherd

kriechen Schaben in die Fuge.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволяет прийти к следующему выводу: концептосфера русского мира Есенина в немецкоязычной рецепции нашла свое воплощение, став основой переводов в содержательном и идейном плане. Расхождения в трактовках оригинальных образов могут быть рассмотрены с точки зрения попытки найти их наилучшее воплощение. Именно они отражают настоящий, не ослабевающий с годами интерес к наследию Есенина в Германии: незаконченность процесса

его рецепции и попытки найти подходящее решение для сложных есенинских образов. На наш взгляд, необходимо выделить переводы **К. Дедечиуса** как наиболее близкие с точки зрения воссоздания концептосферы русского мира, выражающейся в образах дома и природы. А также, из переводчиков 1990–2010-х гг., выделяется **А. Бостроэм**, охотно обращавшаяся к текстам с ярко выраженной лингвокультурной составляющей и национальной темой.

Список использованной литературы:

1. Антропов О.К. Берлин как культурный центр Зарубежья (1920-30-е гг.) // Новый исторический вестник. М., 2001. № 3. С. 175-176.
2. Кудрявцева Т.В. Русская литература в Германии // Вестник Гуманитарного института ТГУ. Тольятти, 2010. № 2. С. 36-39.
3. Никонова Н.Е. Подстрочник поэтического текста: история, типология и роль в межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2008. № 1. С. 179-189.
4. Хило Е.С., Никонова Н.Е. Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии (1920-2010- гг.): переводы, издание, критика, литературоведение. Томск, 2015. С. 230.
5. Dedecius K. Mein Rußland in Gedichten. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 272 s.
6. Der Winter singt - es ist ein Schreien: Gedichte aus den Jahren 1910-1925. Leipzig : Leipziger Literaturverl., 2010. 134 s.